

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© ЭО, 2004 г., № 4

Э. Г. Александренков

ТЕОРИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ? Часть 2

В первой части статьи мною было начато обсуждение вопроса о том, как понималась и понимается теория в отечественной этнографической науке. В целях сравнения обратимся теперь к тому, как обстояло дело с пониманием теории в североамериканской антропологии. С. Такс, отнеся время становления антропологии к периоду с 1840-х по 1870-е годы, определил этап “консолидации и развития теории” в ней в отрезок в “тридцать или сорок лет”, последовавших за годами становления¹. Когда появилось сочетание слов “теория” и “антропология” (“этнология” и “этнография”), точно выяснить пока не удалось. Но уже в 1878 г. Э. Тайлор писал о книге Л.Г. Моргана “Древнее общество”: “Морган соорудил теоретическую постройку шире и тяжелее, чем ее фактическое основание может выдержать”².

К концу этапа “консолидации и развития теории” этнографическое теоретизирование было сосредоточено в Европе и мало практиковалось в США. Вот как причину такого положения объяснял в 1911 г. англичанин У. Риверс. По его мнению, в США были заняты сбором того, что осталось от древних культур, и поэтому уделяли мало внимания общим вопросам; в Европе, где нет древних культур у дверей, много внимания уделяют общим вопросам³.

Сходно об этом различии между европейской и североамериканской науками писал полвека спустя и североамериканец С. Такс. По его словам, англичане, французы, немцы и другие европейцы поставляли научные традиции, книги, теории, а Америка предоставляла близкую лабораторию. И все же, на его взгляд, антропология в Америке никогда не была простым ответвлением европейского мышления; это был независимый центр, который обрел свой особый характер потому, что разнообразие культур здесь познавалось, так сказать, на месте. Европейцы, писал С. Такс, были вынуждены отправляться за тысячи миль, чтобы лично испытать неевропейские культуры, а в Америке сами теоретики имели тесный опыт с обилием экзотических языков, культур и народов⁴. Приведу также высказанное в 1964 г. мнение Э. Вулфа о том, что “большой частью своего теоретического вооружения американская антропология обязана импорту из-за Атлантики” и что “в течение долгого времени крупнейший американский теоретик Льюис Морган был пророком повсюду, но не в своей собственной стране”⁵.

Важной субъективной причиной отставания теоретических исследований в антропологии США первой трети XX в., по сравнению с Европой, часто называют анти-теоретический настрой лидера североамериканской антропологии того времени – Ф. Боаса. К. Клакхон отмечал, что, хотя в работах Боаса разбросаны многочисленные наблюдения теоретического характера, Боас написал всего лишь одну законченную статью о методе в этнологии⁶. Клакхон утверждал, что очень немногие антропологи постоянно уделяли внимание теоретическим вопросам и что для большинства американских антропологов само слово “теория” имело уничижительный оттенок⁷. Тем не менее, по мнению Клакхона, теоретический подход неявно присутствовал даже в некоторых самых, на первый взгляд, невинных фактических утверждениях. В связи

с этим он уподобил многих американских антропологов, особенно недоверчивых к теории, тому персонажу Мольера, который не знал, что он говорит прозой⁸.

Североамериканские антропологи более активно заговорили о теории в антропологии в 1930-е годы. В 1933 г. в США вышла книга, в названии которой впервые сочетались слово “теория” и название нашей науки – “Метод и теория этнологии” П. Радина⁹. Несколько лет спустя другой североамериканец, Р. Лоуи, издал книгу “История этнологической теории”¹⁰. В 1939 г. Клакхон опубликовал статью “Место теории в антропологических исследованиях”.

Что же произошло к 1930-м годам? В это время в США, как писал еще один североамериканец, имела место “великая трансформация” – культурная антропология перестала быть исторической дисциплиной и возникла как социальная¹¹. Это произошло при прямом воздействии британской социальной антропологии, в которой тогда господствовал функционализм. В отечественной литературе отмечалась свойственная функционалистам “методологическая рефлексия, особое внимание к процедуре обобщения фактов, логическим средствам и приемам анализа”¹².

Но что говорили сами ученые в то время, когда начинались раздумья о теории в этнографии? Упомянутый выше Клакхон писал о насущной потребности в постоянном критическом пересмотре постулатов, на которых покоятся те или иные аспекты антропологических исследований¹³. В 1930-е годы Клакхон был, видимо, одним из немногих антропологов, рассуждавших о том, что такое теория. “Теория”, по его мнению, указывает на формулировку или формулировки несколько абстрактного характера, охватывающие связи между неким количеством дискретных фактов¹⁴. И все же за детальный анализ того, что такое теория в антропологии, Клакхон не брался.

Через несколько лет, в 1944 г., в США увидела свет работа Б. Малиновского “Научная теория культуры”. В ней содержалось концентрированное изложение функциональной теории культуры. Малиновский стоял на той позиции, что не может быть описания, целиком отделенного от теории. По его мнению, этнолог одновременно должен быть искусен в полевой работе и быть экспертом в теории культуры. Он полагал, что основой любого обобщения, любого теоретического принципа, любого универсального закона, применяемого к “нашему предмету”, должен быть сравнительный метод¹⁵.

В конце 1940-х годов А. Крёбер переиздает свою “Антропологию”, которая была пособием для нескольких поколений молодых американских антропологов. Показательно, что в обширном указателе к работе нет рубрики “theory”. Все же о теории немного говорилось в заключительной главе. В ней мы находим следующее. Связывание отдельных принципов порождает дальнейшие принципы и углубляет их понимание. В результате появляется интеллектуальная система или идеология, которая может быть также в известной степени названа теоретической системой или корпусом систематизированной теории. По мнению Крёбера, в той или иной мере такой теорией должна обладать каждая наука, если она предполагает быть более, чем бесцельно фактической. Конкретное выражение теории может значительно варьировать – от целиком абстрактных, эксплицитных формулировок до таких, в которых обобщения остаются частично имплицитными, заключенными в самом порядке приводимых данных. Крёбер считал, что систематическая теория в антропологии сосредоточена на понятии культуры. Он утверждал, что именно теория культуры, система понятий, концепций, связанных с культурой – это то, что будет, и в известной мере уже является, вкладом антропологии в более широкую, общую теорию для всего корпуса социальных исследований¹⁶.

И все же, для начала 1950-х годов, полагали североамериканские исследователи более позднего периода, было представительным следующее мнение, высказанное в указанные годы: “Факты надежнее теории и более солидны, чем объяснение; также как наблюдение более солидно, чем обдумывание наблюдения”¹⁷.

К тому времени в США стала очевидной некоторая зависимость антропологической теории от социологической. В свою очередь, представители общественных наук были вынуждены доказывать, что теории могут формироваться не только в естественных науках¹⁸. О возможности построения общей социальной теории речь шла в докладе Э. Нейджела (Nagel, иногда на русском транслитерируют как Нагель), прочитанном на симпозиуме “Проблемы формирования понятия и теории в общественных науках”. Нейджел свидетельствовал, что в его время было мало согласия относительно того, чем должна быть социальная теория и какую роль она должна выполнять. Сам он считал, что под теорией следует понимать “эксплицитное формулирование определенных связей между набором переменных величин, в рамках которых может быть объяснен достаточно обширный класс эмпирически достоверных закономерностей (или законов)”¹⁹.

В 1953 г. публикуется и затем несколько раз переиздается “Теоретическая антропология” Д. Бидни. Как писал автор, его первым намерением было внести конструктивный вклад в историческое и критическое исследование теоретических, метаантропологических постулатов и допущений, лежащих в основе современной культурной антропологии. Второе намерение – привлечь внимание к тому факту (назван историческим), что антропология, подобно другим наукам, имеет как свой корпус теории, так и капитал эмпирически установленных фактов, и что теоретическая антропология заслуживает серьезного рассмотрения социальными исследователями как самостоятельная ветвь антропологии.

Бидни сетовал на то, что антропологи, особенно в США, больше внимания уделяли полевой работе и что теория рассматривалась не как имеющая свою собственную ценность, но, скорее, лишь как средство для проведения практического исследования. В то же время он отмечал, что в последние 25 лет среди североамериканских антропологов наблюдалась возрастающая обеспокоенность теоретическими проблемами антропологии и вопросом их отношения к гуманитарному знанию и другим социальным наукам. Бидни считал, что во главе интеллектуального движения, стимулировавшего интерес к данным проблемам, стоял Крёбер²⁰.

А вот какие темы Бидни считал теоретическими в антропологии (в данном порядке они помещены в его книге): проблема человека и человеческого мира; понятие культуры и некоторые культуроведческие заблуждения; этнология и психология; общество и культура; человеческая природа и культурный процесс; метаантропология и антропологическая наука; эволюционная этнология и естественная история; культурная динамика и вопрос происхождения; история культуры, гуманитарные знания и естественная наука; понятие мифа; понятие личности в современной этнологии; понятие культурного кризиса; способы культурной интеграции; нормативная культура и категории ценности; идеология и власть в стратегии современного мира на земле; проблемы свободы и авторитета в культурной перспективе. Относительно того, что такое теория в антропологии, – ничего во вступлении и в тексте; на с. 30–31 – немного о теории и практике, на 350–355 – раздел “Теоретический и практический кризисы”.

В книге, названной “Горизонты антропологии”²¹, первое издание которой вышло в 1964 г., не было статей о теории в антропологии, хотя ее составитель С. Такс во вступительной статье, как уже говорилось выше, выделил период “развития теории” в этой науке. В 1960-е годы все еще отмечалось, что в ранговой системе американских антропологов первоклассный фиксатор этнографической детали ценится намного выше, чем самый одаренный теоретик²². На слабость или, во всяком случае, несамостоятельность антропологической теории указывает и тот факт, что она развивалась в русле или даже в тени социологической. Еще Клакхон отмечал, что антропологи печатали теоретические статьи преимущественно в социологических журналах или сборниках. И в 1967 г. Л. Голдштейн опубликовал статью о теории в антропологии в книге “Социологическая теория: вопросы и парадигмы”²³.

К концу 1960-х гг. антропологи в США почувствовали необходимость издать хрестоматию по теории в антропологии. Почему? Прежде всего, по словам составителей Р. Маннерса и Д. Каплана, потому что такой книги прежде не было и потому что опыт чтения лекций по антропологической теории убедил их в необходимости сделать предмет доступным в одном томе. Кроме того, им показалось, что в отношении теории вообще существовала значительная неразбериха – не было ясно, как она должна определяться, как она развивалась, как применялась и как ее можно подтвердить или опровергнуть²⁴.

Составители книги отметили, что в известной им литературе они не нашли указаний на статус и роль теории в антропологии. Напротив, как писали они, подтвердилось их мнение, что антропологи используют термин “теория” в большинстве случаев “почти экстравагантно” – иногда как синоним терминам “концепция”, “индуктивное обобщение” или “модель”; иногда же им пользуются, чтобы придать достоинство очевидному. Маннерс и Каплан считали, что частично причина бедности “настоящей” антропологической теории, как и некоторой неточности в использовании и значении самого термина, происходит из дисциплинарного подчеркивания важности полевой работы²⁵.

По утверждению Маннерса и Каплана, антропологи имели общую склонность требовать не только реализма этнографического сообщения, но и реализма теорий, что являлось, по их мнению, сильнейшей помехой для формирования теории в антропологии. Ибо роль теории, как они писали, – *объяснять* реальность, а не отражать ее зеркально или воспроизводить²⁶.

Названные исследователи дали определение теории: «Теории являются обобщениями или, чаще, комплексами взаимосвязанных обобщений, которые объясняют факты, общие утверждения или даже другие теории... Теории – не просто индуктивные или эмпирические обобщения, которые связаны с наблюдаемыми данными прямым и непосредственным образом. Теории, если они хорошие, должны сказать нам, *почему* возникают определенные эмпирические обобщения или закономерности природы. Таким образом, все теории строятся, чтобы ответить на вопрос “почему”»²⁷.

Вот какие три характеристики свойственны теориям, на взгляд Маннерса и Каплана. Они никогда не подтверждаются и не опровергаются простым и прямым наблюдением. Поскольку теории не являются укороченными резюме фактических данных, они могут идти дальше того, что было наблюдаемо. Наиболее важно, что теории не только соединяют и систематически связывают дискретные и несвязанные наблюдаемые явления, но в некотором роде объясняют эти явления²⁸.

Маннерс и Каплан уделили внимание и проблемам формирования теории в антропологии. Они утверждали, что большая часть вышесказанного о природе теории исходит не от антропологов, а скорее из писаний философов науки и философски думающих ученых²⁹. В этой связи они задались следующими вопросами. Почему наблюдается различие между теми теориями, что могут быть сформулированы в антропологии и социальных науках, и теми, что могут быть получены в физических науках? Почему антропология не произвела элегантных формально-дедуктивных теорий, так восхищающих философов? Является ли это просто результатом незрелости антропологии как науки, или здесь некая врожденная непроходимость в природе данных, изучаемых антропологами?

Маннерс и Каплан считали, что есть особые проблемы, с которыми антропологи встречаются при формулировании теорий, и некоторые из этих проблем, на их взгляд, особенно примечательны. Первая заключается в том, что антропологи имеют дело со сложными системами, в которых взаимодействуют намного больше переменных (и намного больше различных типов переменных), чем в системах, с которыми обычно имеют дело физики. Вторая трудность в том, что системы, с которыми антропологи имеют дело – открытые системы; однако сравнительный метод, которым пользуются антропологи, дает им, по мнению авторов, некоторую меру ог-

раниченного контроля над переменными, которыми они оперируют. Следующее отличие антропологии от строгих наук в том, что в социальных системах внутренние процессы не характеризуются повторяемостью, наблюдаемой в области строгих наук. Наконец, теории в антропологии (как и во всех социальных науках) функционируют так же, как идеологии, и реакция на них часто выражается, скорее, в терминах идеологических, чем научных³⁰.

Состав предмета антропологической теории, как можно судить по воспроизведенным в книге статьям, представлялся составителям книги таковым. В первой части, названной “Обзор”, была помещена статья Л.А. Уайта о понятии “культура”, статья Д. Каплана о суперорганическом, М. Глакмена о достижениях и трудностях социальной антропологии, Э.Э. Эванса-Причарда о прошлом и настоящем социальной антропологии и Ф. Эггана о соотношении социальной антропологии и метода контролируемого сравнения. Вторая часть называлась “Объяснение в социальной науке”, третья – “Методология”, четвертая – “Функционализм, эволюция и история” (она состояла из разделов “Структура и функция”, “Эволюция” и “История”), пятая – “Культура и личность”, шестая – “Экология”, седьмая – “Идеология, язык и ценности” и восьмая – “Структурализм и формальный анализ”.

Через 10 с небольшим лет был опубликован небольшой учебник по этнографии, авторами которого были М. Хаммерсли и П. Аткинсон. В том, что касается теории, они равнялись на социологов и считали, что в работах этнографов можно было найти примеры четырех обширных типов теорий: макроформальный, макросубстантивный, микроформальный и микросубстантивный³¹.

В 1970-е годы стало появляться все больше работ, в которых шла речь о теориях культуры³². Многие из этих работ, хотя и несли в названии слово “теория”, не касались вопроса о том, что оно значит в антропологии³³. Даже в учебном пособии, названном “Введение к теории в антропологии”, постановки этого вопроса нет³⁴.

В дальнейшее время вопрос о теории затрагивался североамериканскими антропологами в связи с обсуждением различий между модернизмом и постмодернизмом как парадигмами науки. По мнению Р.А. Раппапорта, на этапе модернизма наука «предприняла попытку создания “теории”, т.е. попытку достичь отстраненного, объективного знания, получаемого “беспристрастным” или “внешним” изучением конкретных составляющих мира, оставив “практику” на усмотрение фермеров, плотников, инженеров, священников или политиков». На этапе постмодернизма наука, считает он, “признав неизбежным свое участие в наблюдаемом ею мире”, должна создать теорию, “которая не может быть просто или даже главным образом методологической по своей природе. Она должна быть также или даже в первую очередь теорией нравственной”³⁵.

В этой же связи можно упомянуть статью Л. Дауни и Д. Роджерса, размышляющих “о политике теоретизирования в постмодернистской академии”. Данная статья рассматривает вопрос о теории в несколько другой плоскости. В ней очевидно противоречие в оценке науки эпохи модернизма – с одной стороны, она представлена как абстрактная, с другой – как стоящая на службе угнетателей (элит, по более обтекаемому выражению авторов). По их мнению, разработанные в культурной антропологии теории культуры, родства, класса, расы и девиантности (отклонения от нормы) помогали воспроизводить отношения гегемонии, то есть власть и авторитет элиты. Постмодернистские критики культурной антропологии сконцентрировались на проблеме репрезентации при написании этнографических текстов и обнаружили связь между тотализирующей теорией и тоталитарной властью³⁶.

Сходную позицию высказал М. Фишер в интервью, опубликованном в нашем журнале. На вопрос о том, что происходит с теорией в антропологии, он ответил, что “теория” в антропологии претерпела существенные изменения за последние 20 лет. По его мнению, большая часть традиционных социальных теорий была сформулирована на рубеже XX в. (Маркс, Вебер, Дюркгейм, Фрейд) как результат второй индустриальной революции, а «антропологические адаптации этих теорий были “вы-

кованы” в мире колониализма и косвенного управления в период до второй мировой войны”. “Новая теоретическая установка... часто называемая постмодернистской или постсовременной... отразила проблемы мира деколонизации... а также приход мира новых технологий... мира массовых миграций населения... и мира реорганизующегося и интенсифицирующегося капитализма...»³⁷.

Для некоторых североамериканских антропологов свойственно весьма скептическое отношение к теории в своей науке. “В самой антропологии, – считает С. Тайлер, – никогда не было выработано ничего существенного, что бы сошло за теорию, но всегда говорилось много вздора по этому поводу”. И далее: “Занимается ли антропология чисто теоретическими упражнениями? Да и, как я уже сказал, весьма бездарно”³⁸. По мнению Д. Маркуса, “с корпусом теоретического знания этнография всегда обращалась достаточно наивно... В целом применение теории в антропологии всегда было упрощенно адаптированным... В этнографическом образовании продолжается все та же поверхностная, кустарная ассимиляция теоретического знания. Часто ее бывает достаточно для того, чтобы обосновать критическую позицию этнографа (и это хорошо), но эта поверхностность одновременно наносит урон глубине научного анализа”³⁹.

Однако среди североамериканских антропологов есть и такие, что надеются на отход своих коллег от увлечения постмодернистскими идеями, в том числе и относительно оценки роли теории в своей науке. В частности, М. Харрис в работе “Теории культуры в постмодерные времена”, вспомнив, что его первая историографическая книга называлась “Подъем антропологической теории”, признал, что теоретический поворот от научно-ориентированного процессуального подхода к постмодернистскому подходу “anything goes” оказался более влиятельным, чем он полагал 30 лет назад. Настолько влиятельным, что ему даже приходило в голову назвать свою новую книгу “Падение антропологической теории”. Однако, по мнению авторитетного ученого, стали наблюдаться признаки того, что влияние интерпретационизма, этнопоэтики и других, по его словам, “lit-crit” (литературно-критических) подходов достигло своего пика. И он даже выразил надежду, что его книга поможет толкнуть маятник назад, в “научно-ориентированную сторону”⁴⁰.

Из приведенного выше⁴¹ видно, что североамериканские антропологи в размышлениях о том, что следует понимать под теорией в их отрасли знания, как правило, за точку отсчета брали представления о теории, исходившие из социологии. Еще в начале 1970-х годы отмечались бедность собственно антропологической теории и неточность использования самого термина (Маннерс, Каплан). Поразительно, но и совсем недавно было высказано сходное мнение, и даже в еще более категоричной форме (Тайлер).

Сравнение представлений о теории у нас и наших американских коллег обнаруживает неожиданно много близкого: признанная самими исследователями робость перед теорией или нежелание ей заниматься; недостаточно четкое использование термина “теория”; пренебрежение многих исследователей к сделанному в области теории.

Но просматривается и несколько отличий. Несмотря на критическое отношение к теории, в целом чаще встречающееся среди североамериканских антропологов, чем среди их российских коллег, первые создали большее число объяснений действительности (теорий) в рамках своей науки, чем российские этнографы. Североамериканские антропологи значительно больше и целенаправленнее рассуждали о том, что такое теория в их науке, чем мы, этнографы, рассуждали о том, что это значит у нас. Вероятно, это можно объяснить, прежде всего, тем, что антропологи США в течение более длительного времени, чем этнографы в нашей стране, имели возможность мыслить, не будучи сдерживаемы одной идеологической установкой и, следовательно, более разнообразно.

При размышлении о том, что считать теорией в этнографии, следует, видимо, различать два аспекта. Отдельно следует говорить о *теории этнографии*⁴² как системе идей, взглядов, принципов, обосновывающих, объясняющих функционирование этнографии как способа познания действительности. Сюда входят обоснование предмета и постановка проблем, обоснование способов этнографического познания, включающее анализ как исследовательских процедур и методов, так и используемых понятий. Сюда же следует отнести и вопрос о возникновении или построении этнографических теорий, в том числе (а может быть, и прежде всего) о соотношении теории и факта⁴³ в нашей науке. Предмет теории этнографии – сама этнография в ее развитии.

Этнографической теорией можно, видимо, считать непротиворечивое в себе объяснение определенной совокупности фактов той или иной сферы человеческой деятельности, попавшей в поле интересов этнографии. То есть это такая теория, которая средствами этнографии как науки объясняет реальность (как правило, ее часть). Она должна включать в себя рефлексию не только относительно факта, но и относительно самой теории. В зависимости от объема фактов и их разнообразия и сложности объяснения этнографические теории могут быть более или менее общими или частными.

На мой взгляд, едва ли следует воспринимать теорию (в данном случае, этнографическую) как готовое знание или знание, отражающее суть явлений. Мне кажется более правильным относиться к теории не как к совершенному (завершенному) знанию, но как к такому, которое побуждает познавать дальше.

В статье было прослежено развитие лишь самых общих представлений о теории в этнографии. За пределами написанного остались такие тесно связанные с ними аспекты проблемы, как соотношение этнографической теории и факта, этнографической теории и практики исследования, этнографической теории и идеологии и, вероятно, многие другие, в том числе соотносительность этнографической теории с теориями смежных областей знания и, более того, вопрос о том, возможна ли в принципе теория в нашей науке. Это темы вероятных других работ и, желательно, других авторов.

Примечания

¹ *Tax S.* Anthropological Tradition // Horizons of Anthropology. Chicago, 1977. P. 5.

² Цит. по: *Аверкиева Ю.П.* У истоков современной этнографии (к столетию выхода в свет “Древнего общества” Л.Г. Моргана) // Сов. этнография. 1978. № 1. С. 25.

³ Цит. по: *Bidney D.* Theoretical Anthropology. N.Y., 1968. P. VII–VIII.

⁴ *Tax S.* Op. cit. P. 7, 9.

⁵ Цит по: *Борофски Р.* Введение к книге “Осмысливая культурную антропологию” // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1995. № 1. С. 11.

⁶ Цит. по: *Kluckhohn C.* The Place of Theory in Anthropological Studies // Philosophy of Science. 1939. Vol. 6. № 3. P. 336.

⁷ *Ibid.* P. 332.

⁸ *Ibid.* P. 328–330.

⁹ *Radin P.* The Method and Theory of Ethnology. N.Y., 1933.

¹⁰ *Lowie R.* The History of Ethnological Theory. N.Y., 1937.

¹¹ *Foster G.M.* Relationships between Anthropological Field Research and Theory // Crisis in Anthropology / Ed. E.A. Hoebel et al. N.Y.; L., 1982. P. 143.

¹² *Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986. С. 15.

¹³ *Kluckhohn C.* Op. cit. P. 335.

¹⁴ *Ibid.* P. 344.

¹⁵ *Malinowski B.* A Scientific Theory of Culture and Other Essays. N.Y., 1960. P. 7, 12, 18. Первое издание книги увидело свет в 1944 г. Книга переведена на русский язык.

¹⁶ *Kroeber A.* Anthropology. N.Y., 1948. P. 845–846.

¹⁷ *Nadel S.F.* The Foundations of Social Anthropology. Glencoe, 1951. P. 24; цит. по: *Manners R.A., Kaplan D.* Notes on Theory and Non-Theory in Anthropology // Theory in Anthropology / Ed. R.A. Manners and D. Kaplan. Chicago; New York, 1971. P. 5.

¹⁸ О том, что представители физических наук скептически относились к возможностям построения теории в социальных науках, см., напр.: *Rapoport A.* Various Meanings of “Theory” // American Political Science Review. 1958. Vol. 52. № 4. P. 981–982.

¹⁹ *Nagel E.* Symposium: Problems of Concept and Theory Formation in the Social Sciences // Science, Language and Human Rights. Philadelphia, 1952. P. 46.

²⁰ *Bidney D.* Op. cit. P. VII, VIII.

²¹ Horizons of Anthropology. Chicago, 1977. 2-nd ed.

²² Цит. по: *Manners R.A., Kaplan D.* Op. cit. P. 2–3.

²³ *Goldstein L.J.* Theory in Anthropology: Developmental or Casual / Ed. L. Gross // Sociological Theory: Inquiries and Paradigms. N.Y., 1967.

²⁴ *Manners R.A., Kaplan D.* Introduction // Theory in Anthropology / Ed. R.A. Manners and D. Kaplan. Chicago, New York, 1971. P. IX.

²⁵ *Manners R.A., Kaplan D.* Notes on the Theory. P. 1.

²⁶ Ibid. P. 5.

²⁷ Ibid. P. 7.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibid. P. 8.

³⁰ Ibid. P. 10.

³¹ *Hammersley M., Atkinson P.* Ethnography: Principles in Practice. L., 1983.

³² См., напр.: *Keesing R.M.* Theories of Culture // Annual Review of Anthropology. 1974.

³³ *Ortner S.* Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History. Vol. 26. 1984; *Shweder R.A.* Preview: A Colloquy of Culture Theorists // Culture Theory / Eds R.A. Shweder, R. Levine. Cambridge, 1986.

³⁴ *Layton R.* An Introduction to Theory in Anthropology. Cambridge, 1998. Книгу правильнее было бы назвать введением к теориям в антропологии.

³⁵ *Pannanорт P.A.* Эволюция человечества и будущее антропологии // ЭО. 1995. № 6. С. 27–28.

³⁶ *Lee Downey G., Rogers J.D.* On the Politics of Theorizing in a Postmodern Academy // American Anthropologist. 1995. Vol. 97. № 2. P. 270.

³⁷ Размышления о судьбах науки // ЭО. 1996. № 6. С. 7.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 8.

⁴⁰ *Harris M.* Theories of Culture in Postmodern Times. Walnut Creek etc., 1999. P. 13.

⁴¹ Разумеется, выше упомянуты далеко не все выходявшие в США работы, в которых разбиралась теория в антропологии. Некоторые из известных мне по ссылкам работ оказались недоступны, другие не несли ничего нового в сравнении с названными.

⁴² Ср: *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002.

⁴³ См., в частности: *Count E.W.* Dimensions of Fact in Anthropology // Fact and Theory in Social Sciences / Ed. E.W. Count, G.T. Bowles. Syracuse, 1964; *Семюнов Ю.И.* Facts and Theory in Ethnography; *Пименов В.В.* Этнографический факт // ЭО. 1990. № 3.

E. G. Alexandrenkov. What Is a Theory in Russian Ethnography? (Part 2)

The publication concludes the author’s discussion of issues related to the usage of the term “theory” in Russian ethnography (the opening part of the essay appeared in the previous issue of the journal). In the concluding part, the author traces the employment of terms “theory” and “theoretical” over the course of the last century in Russian ethnography and American anthropology. Comparing the two academic traditions, the author poses a variety of critical questions and calls for a more thorough discussion of the subject.